

Художник и время коммунист Таджикистана. — Душанбе. — 1990. — Забвуд

Споёмте песни Окуджавы

Жарким летом 1981 года в Дели проходил кинофестиваль, посвященный памяти замечательной актрисы Наргис Датт. В эти дни я вновь, спустя четверть века, увидел прославленную ленту Раджа Капура «Авара» («Бродяга»), из-за которой сходили с ума кинозрители в середине 50-х годов. Женщины, сидевшие рядом со мной, откровенно плакали. «Как можно так переживать на старой мелодраме?» — удивился я. И кто-то из них мне ответил: «Вы, мужчины, бываете все-таки удивительно толстокожими и недогадливыми. Неужели ты не понимаешь, что плачем мы не над судьбой героев, а над теми прошедшими годами, когда мы были на четверть века моложе».

Подобное чувство испытал я, взяв в руки вышедший недавно в издательстве «Музыка» том «Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты». Содержание с большим тщанием подобрано и скомпоновано сотрудником Литературного музея Львом Шиловым. Здесь и богатейшая иконография поэта — от детского фото с мамой до сегодняшних дней, и тексты прославленных песен, и даже ноты. И проникновенная, согретая искренней любовью вступительная статья составителя.

Лев Шилов известен не только, как литературовед, но и как величайший энтузиаст «звучащей литературы»,

многие годы неустанно разыскивающий фонограммы голосов русских и советских писателей. Все мы знаем о замечательной его находке — редчайших валиках для фонографа с записями двух выступлений Л. Толстого на английском языке, сделанных для США. Он был составителем ставших уже редкостью пластинок с записями голосов А. Ахматовой, А. Блока и его современников, К. Чуковского.

Молодым людям наших крикливых и раскованных 90-х годов, наверное, трудно представить, чем были для нас, людей 50—60-х, песни Окуджавы. Шла хрущевская «оттепель», люди учились заново говорить, смеяться, петь. На эстраде, в радиопрограммах сохранялся репертуар песен, «предписанных» еще в довоенные годы, в них не было ни чувства, ни мелодии, ни жизни. А «улица корчилась, безъязыкая», ожидая своих певцов. И тут появились авторские песни Булата Окуджавы.

«Песни Булата Окуджавы вошли в нашу жизнь в конце 50-х годов как-то сразу и, как оказалось, надолго», — пишет Лев Шилов. — Они заметно отличались от тех, что звучали тогда в концертах, по радио, на пластинках, и от тех, что мы пели дома, когда собирались друзья и приходили гости... Дело даже не в отдельных, сравнительно необычных об-

разах и словосочетаниях... сами эти песни были «совсем другие». Не только по словам, не только по мелодии, но прежде всего по тону, по интонации. Это была интонация беседы, дружеского обращения... Они были адресованы не столько всем вместе, сколько каждому в отдельности, тому, кто сидит напротив за столом или рядом на скамейке породского сквера. При чем с каждым устанавливался как бы двусторонний душевный контакт... В песенном диалоге со слушателем возникала столь дефицитная, столь желанная, столь необходимая в переломное время второй половины пятидесятых годов атмосфера искреннего человеческого внимания, общения и взаимопонимания».

О чем пел Окуджава? О «часовых любви» — влюбленных парах на рассветных московских улицах; о недавней войне, которую он так необычно назвал «подлая», ибо она «отняла у тысяч и тысяч людей юность, счастье, любовь, любимых и близких; о юных солдатах, уходящих «в туман, туман, туман», и женщинах, глядящих в их круглые бритые затылки; о «кредиторах» каждого из нас — Вере, Надежде и Любви; о последнем троллейбусе, идущем по ночной Москве, чтобы «всех подобрать, потерпевших в ночи крушение, крушение»; о том, что надо всегда дер-

жать свою дверь, открытой для всех, кому мы можем понадобиться в трудный час.

К сожалению, критика тех лет не сказала о песнях Окуджавы ни одного доброго слова. «Ловец дешевой славы», «тина и муть», «скандальная слава», «низкопробный ажиотаж» — вот эпитеты, которыми она его награждала. Дошло до того, что с середины 60-х годов он перестал писать песни и выступать и целиком ушел в работу над исторической прозой. Писал исторические романы и повести, рассказы. Их охотно читали, но они не имели и десятой доли того успеха, что принесли Окуджаве его песни.

А песни жили уже отдельно от автора, звучали на лентах магнитофонов, их слушали на вечеринках, мурлыкали под нос, пели хором.

...Сегодня песни Окуджавы входят в золотой фонд советской литературы и музыки. Общий тираж его авторских пластинок только в СССР подходит ко второму миллиону. Фонд его магнитофонных записей (созданный при активном участии Л. Шилова) в Литературном музее насчитывает 287 единиц хранения и составляет 160 часов звучания. Десятки его песен звучат в кино и с телеэкранов, в спектаклях и радиопередачах, они прочно и навсегда вошли в наш быт.

Олег ТОРЧНСКИЙ.
(АПН).